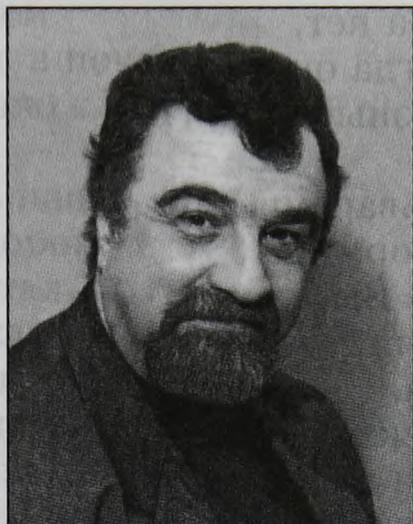

С 50-летием!

Игорь
СЕВЕРСКИЙ (КИРИЛЛОВ)

Игорь Викторович СЕВЕРСКИЙ (КИРИЛЛОВ) родился 1 декабря 1954 года в городе Красный Луч Луганской области. Окончил Уральский государственный университет (1987). Работал корреспондентом газет, руководителем пресс-центра объединения «Нижневартовскнефтегаз».

Стихи печатались в окружных и областных газетах, в журнале «Литературная учеба», альманахе «Эринтур», антологиях «Поэзия Югры», в коллективных сборниках. Автор сборников стихов «Письмена» (Нижневартовск, 1997), «Фрески» (Ханты-Мансийск, 2004). Живет в Ханты-Мансийске. Возглавляет пресс-центр Думы автономного округа.

Поэт Игорь Северский – лирический герой литератора Игоря Кириллова, который, в свою очередь, является его прототипом. И биография последнего представляет собой лишь слабые отголоски, робкие отблески судьбы Игоря Северского.

«Я последний романтик эпохи, нет, не нашей постмодернистской, а вообще». Эта фраза, предваряющая знаменитый «Памятник» (перевод вольный, из ненайденных апокрифов), вполне может сойти за краткую характеристику представляемого автора, выданную для предъявления по месту требования.

Что же это за романтизм в эпоху раннего постмодернизма? Это все те же темы бесконечной дороги, вечных встреч и расставаний, просвистывающей по касательной, словно курьерский поезд, вечной, великой и неразделенной любви.

Автор

**ЖАРА В МОСКВЕ,
или ПИСЬМА К АННУШКЕ**

В Москве – жара!
В жару мозги кипят.
А в черепной коробке
Туго с маслом.

Коль масла нет,
То есть тогда опасность,
Что тормозные шланги
Погорят.

Бульварами иду,
Срывает тормоза.
Навстречу Вы,
И Ваше имя – Анна.
Та встреча,
Как июльская гроза,
Внезапна и мгновенна,
И желанна.
В Москве – жара.
Мы бродим целый день.
К себе влекут
Тенистые аллеи.
Мне врать и фантазировать не лень,
Ни страстности, ни красок
Не жалея.

О чем же врет
Заезжий сибиряк?
Врет, опустившись
На одно колено.
Возвышенно, светло,
Проникновенно.
Другой бы захотел –
Не сможет так.

О чем же врем?
О жизни, о судьбе.
О том, что на морозе
Водка – колом.
Ее мы разбавляем кока-колой,
Что кола не выводится в тайге.
Еще мы о рыбалке
Много врем.
Что ведрами – икра,
Пудами – рыба.
И что реке мы говорим «спасибо»,
И что медведя запросто мы бьем.
И нас не заподозришь
Никогда
Ни в подлости,
Ни в мелочном расчете.

Мы заверяем —
Честь у нас в почете,
А горе, право слово,
Не беда.
А бедность наша
Точно не порок.
Сам прочитал,
Иль кто сказал про это.
Еще мы говорим:
«В Сибири лето
Порой приходит
Только на денек».
А в отпуске
Все мысли об одном:
Скорей бы нам
На Север свой вернуться.
Уж там-то точно
Есть где развернуться
И зимним днем поставить
Все вверх дном.
Вот так я пел.
Смиренно ты внимала.
В Москве — реке
Уж догорал закат.
«Здесь я живу, —
Негромко ты сказала, —
Пора домой, а Вам пора назад».
Ах, Аннушка,
Мелькает образ Ваш.
Его московский поглощает
Дворик.
А этот дворик
Подметает дворник
Метлой своей,
Меняя весь пейзаж.
Вот взмах метлы —
И Ваших нет следов.
О, как же грациозно
Вы ступали.
Наверно, так когда-то
Пропадали
Во времени обломки
Городов.

Что города?
Под эту метлой
Бесславно исчезали
Горы, страны.
А Вам, наверно,
Это слышать странно.
Вы просто возвращаетесь
Домой.
Ах, Аннушка,
Меняется пейзаж.
Уже Ваш двор –
Большой бетонный кокон.
Одних подъездов
Штук, наверно, шесть.
А черных лестниц,
Пыльных, тусклых окон?
Всех не запомнить,
Всех не перечесть.
Веревки, грязно-серое белье.
Базар недалеко,
Там спят бродяги.
И мощный запах
Стойкой хлебной браги
Вобрал в себя
Житье и бытие.
Здесь все определяет
Битие.
Муж бьет жену.
Мальчишки бьют друг друга.
Жизнь движется
По замкнутому кругу.
Торговок щиплет
Местное ворье.
Там места нет
Ни чувству ни уму.
Их пожирает двор –
Бетонный кокон –
Глазницами больших
И темных окон.
Сулит он нищету,
Беду, тюрьму.
Всех «прелестей», боюсь,
Не перечесть.

От чердака до мрачного
Подвала
Жизнь бьет ключом.
Всегда здесь
Солнца мало,
Но все здесь жаждет
Пить, плодиться, есть...

*Прощальная
записка, оставленная во дворе*

Устал, спешу...
Объятия столиц,
Железные и жаркие объятия,
Нас побуждают
К перемене платья
И к полной смене
Мыслей, чувств и лиц.
Всегда здесь нужно
Как бы всюду быть.
Все как бы знать,
Со всеми как бы знаться.
Смешить и мельтешить,
Хотеть, стараться,
Крутиться
И пытаться угодить.
Стараться угодить
И угодить
В беззвучное беспмятство.
Вот радость!
Но нет, уж лучше
Пьянство или праздность,
Чем по струне
Натянутой ходить.
Как попугай,
На жердочке висеть
И повторять знакомые фонемы.
И в страхе жить:
Не выпасть бы из темы.
Пытаться все успеть
И всех воспеть.
В подобострастье
Радостном потеть.

Ловить нелепый и капризный
Случай.
И глупости
С немым восторгом слушать.
В конце концов
Навеки онеметь...

Записка, посланная с вокзала

Ах, Аннушка,
Целую ручки Вам.
Бегу, бегу...
Мне опостылел Запад.
Его щемящий, сладковатый
Запах
Преследует буквально
По пятам.
И городов его
Большой бедлам
Несет в себе
Бессмыслицу и скуку.
По горло сыт,
Спасибо за науку.
Ах, Аннушка,
Целую ручки Вам.
Прелестница, увы,
Бегу, бегу
В холодные объятия Востока.
Туда, где без надрыва
И восторга
Царица Обь
Несет свою волну.
Я в той глуши надолго
Пропаду.
И ночью долгой
Мне опять приснится
Столица,
Но не просто так,
А в лицах.
И среди них
Узнаю ту, одну.
Ту, от которой я
Бегу, бегу.

Первое письмо к Аннушке

Лес с избушкой
На опушке.
В той избе —
Ни встать ни сесть.
Печка есть
Да миска с кружкой,
Соль в тряпице
Тоже есть.
Рыбу засолили
В бочках.
Дичь коптится —
Отдыхай!
Только рано ставить
Точку —
Есть еще вечерний
Чай.
В уголке двустволка
Дремлет.
За порогом сохнет сеть.
Славное подходит время —
Скоро чайнику
Свистеть.
Черен чай, густой и терпкий.
С ног сбивает, гасит спесь.
Есть в нем дух сибирский,
Крепкий
И дегтярный привкус есть.
Что осталось от обеда,
Все на печь, затем на стол.
Начинается беседа,
Разговор гулять пошел.
Он плывет легко,
Беспечно,
Словно речка, не спеша.
И в беседе той, сердечной,
Раскрывается душа.
Очерстневшая, седая,
В шрамах от сердечных слез,
Расцветает, оживает
Под негромкий шум берез.
До глубокой ночи

Длится
Задушевный диалог...
За ночь выстыла избенка.
В головах улегся кот.
Новый день, как смех ребенка,
Над седой тайгой плывет.

Второе письмо к Аннушке

Сыро, слякотно в столицах
Под державной дланью звезд,
А в Сибири снег струится
И за окнами мороз.
Иней высветил березы,
Дальние стога белы.
Языком отменной прозы
Пишется судьба зимы.
Бег неровный длинных строчек,
Слог, как долгий санный путь,
Многозначность многоточий,
Вечность медленных минут.
И на краткое мгновенье
Сквозь окна кисейный флер
Ты – как дивное мгновенье,
Откровенье высших сфер.
Мне к тебе сквозь мглу ночную
Дотянуться нет уж сил,
Вот такую, неземную,
Повстречал и полюбил.
Был и дерзким, и отважным,
Как грехи минувших лет.
Поцелуй – соленый, влажный,
Уносимый ветром след.
В дальней слякотной столице,
В карнавале снов и грез
Повстречал тебя, царица,
Хоть украл, да не унес.
Миг волшебный и случайный,
Призрак всех былых побед.
А потом —
Рассвет печальный
Да отчаянный побег.
Не живется вольным птицам

В душевной суете столиц,
Где вокруг тебя клубится
Хоровод протертых лиц.
Славно пишется и спится
В стороне лесной, глухой,
И начальства не боишься,
И не маешься душой.

Третье письмо к Аннушке

 Был отдан год
На промысел любви.
Весна была полна
Страстносмятенья.
И было все:
Терпенье и томленье,
Нелепое волнение
В крови.
Был отдан год
Чарующим ночам,
Когда струился свет
Прохладой томной,
И что-то там
Нашептывали волны
Твоим ногам,
Моим босым ногам.
Был отдан год...
И лютовал январь,
Февраль грозил
Бесчестием, разлукой.
Март наполнялся
Новым свежим звуком.
Апрель твердил, что
Будет все как встарь.
Май к нам пришел,
Сомнением гоним.
Июнь дарил
Спокойную прохладу.
И нам казалось, будто
Так и надо.
Июль был обходителен и мил.
А дальше год, что
Отдан был любви,

Пыхтя, перевалил за середину.
И гроздь тучные
Красавицы рябины
Нам говорили:
Нужно ждать зимы.
Она вот-вот пожалует,
Придет.
Она придет, а год, увы,
Минует.
Минует год
Прощальным поцелуем.
Бог весть когда придет,
Когда опять придет...

Эпилог

В ту ночь мы, не смыкая глаз,
Курили, спорили, ругались.
Мы пили крепкий чай,
И нас
Псы мохноногие боялись.
Они, прищуривая глаз,
С ворчанием
Глухим и злобным
В упор рассматривали нас.
Горел костер среди сугробов.

Мы вспоминали, как вчера
Надсадно взвыли трактора,
Как, приподнявшись над землей,
Плыла, подрагивая, вышка,
А наш прораб — на вид мальчишка —
Ордой командовал стальной.
С утра он жадно, из ведра,
Пил долго воду ледяную,
Копну волос его седую
Терзали дерзкие ветра.

Затем прошла команда «Стоп!»:
Троса, как нервы, натянулись,
Носами трактора уткнулись
В гигантский ледяной сугроб.
Сбывалось все, о чем вчера

Мы даже думать вслух боялись,
Над чем отчаянно смеялись
Псы у вечернего костра.

Но показался наш «КамАЗ»,
Путь освещая ближним светом.
И стало ясно, что к рассвету
В поселок он доставит нас.
В башке была белиберда,
Мы были без хмельного пьяны.
А на рассвете – телеграмма,
И текст, как выстрел от бедра:
«Встречай!
Я приезжаю!
Анна!»